

ЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ВЛАСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ СРЕЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА ПРОБЛЕМЫ

Показан исторический план проблемы роли знания во властных структурах государства. Автор утверждает, что власть знания всегда присутствовала в качестве характерной черты государственной власти. Однако в истории общества это присутствие усиливало свою роль. В наше время в информационном обществе знание приобрело значение основного ресурса власти.

Ключевые слова: власть знания; государство; общество; «общественный договор»; информационное общество; ресурс власти.

Впервые Древняя Греция заметила властную силу истинного знания. Связав всё мироустройство с метафизическими «первоначалами» – с «архе», греки предложили увидеть их – «первоначала» – в качестве инструмента конструирования бытия. Так сказалась власть открытого древнегреческой философией разума в его возможностях конструирования мира культуры. Добытое Разумом, т.е. истинное, «первоначало» – «архе» – своей властью превращало мировой хаос в культурный Космос, упорядочивало мир, рационально держало его по законам Логоса. У Сократа отмечается наивысший подъём эллинской тяги к знанию, веры в его могущество. После того как натурфилософы досократического периода силой разума привели в порядок структуры внешнего мира, он стал решать более грандиозную задачу – направлять по разумному пути общественную жизнь людей. Поскольку знание истины-«первоначала» в культуре Древней Греции определялось в качестве конститутивного принципа в целом, в том числе и для государственного устройства, то понятно, почему здесь столь серьёзное значение придавалось образованию. Образование, производя истинное знание, укрепляло государство. Платон в диалоге «Государство» ставит вопрос о зависимости общества и государства от того, насколько граждане культурны и образованны. «Миф о пещере» как аллегорический фрагмент диалога – это гимн рациональному знанию и образованию.

Рационализм как принцип западноевропейского мышления, заданный древнегреческим образом и жизни, и мысли, навсегда обеспечил истинному знанию властную силу. В теоретическом плане проблема знания как власти стала разрабатываться в новое время. В полной мере признание властной роли знания обнаружило себя в знаменитом тезисе Ф. Бэкона «Знание – сила!». Истинное знание – это знание закона, и приобщение к нему государственных правителей предполагалось через заключение общественного договора. Концепция «общественного договора», разработанная Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ж.-Ж. Руссо, основана на необходимости знания законов государственной жизни. Политические институты истолковываются как результат некоего контракта между автономными индивидами [1. С. 12].

Так, о роли знания в его властной силе говорит Дж. Локк в своей теории общественного договора. Его договорная система не выделяет специально государственную, политическую структуру, отличную от структуры гражданской. Игнорирование даже возможности и тем более необходимости выделения отдельных структур в государстве говорит о настаивании Дж. Локка на единстве законов любой социальной организации. Власть законна потому, что основывается

на истине – политической, социокультурной, государственной. Общественный договор оформляет в законе различного рода социокультурные истины. Договор получает властную силу именно потому, что основывается на гносеологической власти истины. Поклонение государственным законам, содержащим в себе истину, исходит у Дж. Локка, таким образом, из признания в работе всех социокультурных структур ведущей и властной роли истинного знания. Потому Дж. Локк столь много внимания отводит институту образования. Оно, по его мнению, может обеспечить адекватную работу главного института в государстве и гражданском обществе – института власти. В качестве основной и главной задачи образования им ставится воспитание особого почтения к знанию: только оно через приобретение знаний может указать путь к истине, которая, в свою очередь, способствует самоусовершенствованию человека. Человек – это «чистый лист бумаги, воск, из которого можно вылепить всё, что угодно» [2. С. 608].

Собственно, подобного же рода идеи относительно властной роли знания высказывает и Ж.-Ж. Руссо. Будучи приверженцем теории естественного права, он и общественный договор базирует на знании истины, которая даётся природой. Потому и государство, созданное на основе этого договора, содержит истинное знание, ориентируется, по Руссо, на природное состояние человека. Естественный человек содержит в себе характеристики, на которых только и можно базировать равенство, ибо оно являет природу человека и поэтому может устранить «войну всех против всех», о которой говорил Т. Гоббс. Беда, однако, в том, что социокультурные институты, например институт частной собственности, нивелируют людей, устраняют их природное равенство. Общественный договор, выстраиваясь на истине человеческого взаимодействия и отношений людей друг к другу, призван его восстановить. Истина в договоре гласит: «Каждый из нас передаёт в общее состояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого» [3. С. 511].

По Руссо, культура общества, основанная на возрождении наук, т.е. с помощью знания, может способствовать очищению нравов: «добродетель и знания должны быть двумя сторонами одного и того же» [4. С. 158]. Таким образом, гносеологический фактор знания становится властной политической силой. «...до тех пор, пока, с одной стороны, будет только власть, а с другой – только знание и мудрость, ученые будут редко думать о великих вещах, государи будут совершать хорошие поступки ещё реже, а народы будут всё так же порочны, испорчены и несчастны» [3. С. 511]. Почте-

ние к знанию во власти продолжает иметь место в социокультурной жизни и далее – в XIX в. И. Кант, формулируя категорический императив, наделяет сферу нравственности характеристиками всеобщности и необходимости, т.е. истинности. Они, отдавая человека и общество во власть «чистого разума», свидетельствуют вновь о власти истинного знания. Кант отделяет частную жизнь человека от его публичной и юридической сферы, как и разделяет, с одной стороны, мораль и этику, с другой – публичность, где господствует право, предназначение которого состоит в согласовании индивидуальных и общественных интересов. Право может выполнить эту функцию только потому, что содержит в себе знание нравственного закона как всеобщей истины нравственности. В праве, оказывается, заложена истина. Власть государства, по Канту, потому и сильна, что содержит в себе силу власти истинного знания, заложенного в категорическом императиве. Поэтому нравственный закон является основой государственной организации.

Первостепенную роль в социокультурной организации власти государства играет, по Канту, Гегелю и всем немецким классикам, просветительская деятельность, т.е. знание, образование и нравственное совершенствование. Просвещение ставит своей целью вооружить всех людей – и правителей, и каждого рядового члена общества – знаниями. Государство использует всеобщий характер знания, считает Гегель, и чтит его за сущностное понимание мира, за властную силу сущности [5. С. 122, 205–207]: в нём нет частичности индивидуальных интересов, оно всегда несет идею всеобщего права и нравственности.

Власть государства как следствие его базирования на знаниях заставляя и всех членов общества тоже овладеть знаниями. Эта функция вменяется государством образованию, которое, благодаря знанию, формирует индивида как субъекта, возводит его ко всеобщему общественному состоянию. Как всеобщий человек освобождается от индивидуалистичности и эгоистичности субъекта, формируется как нравственный субъект государства и через подъём до всеобщности освобождается от индивидуальности животной природы. Эту миссию может выполнить образование, если направит своё содержание в русло овладения всеобщей истиной. Главной функцией государства, по Гегелю, является функция образовывания людей, т.е. направление их на путь приобретения знания: «Систематическое внимание к образованию способно стать для государства средством восстановления и сохранения политической целостности и мощи...» [6. С. 92].

Современность не являет существенной новизны в плане ответа на вопрос о социокультурной роли знания во властных отношениях государства. И сегодня авторы, исследующие в том или ином отношении информационный тип социальности, также рассматривают, возможно, в качестве главного вопрос о знании (информации). По крайней мере, власть интересуется всех, ибо именно с ней, с её трансформациями связывается наступление нового социального порядка – новых форм властного управления и появления новых субъектов власти. Без адекватного изменения властных отношений все прочие трансформации, входящие в жизнь вместе с ин-

формационным обществом, могут иметь амбивалентное (как позитивное, так и негативное) значение.

Взросшее значение фактора знания во власти связывается с усложнением характера современной социокультурной реальности как объекта властного действия. Сложность видится, во-первых, в том, что сегодня любая организация не может существовать отдельно, изолированно от системы отношений, связывающих её работу с работой других организаций. В информационных коммуникациях все организации, все социокультурные сферы находятся в столь прочном соединении, что незнание этого фактора означало бы торможение или даже остановку работы конкретной организации. Фактор социокультурных связей меняет работу власти в том же направлении: в её функции – контроль за работой не отдельной, самой по себе взятой организации, но за ее действующими и возможными связями. Власть теперь обосновывается не только и не столько экономическими отношениями, сколько отношениями социокультурного плана. В нынешних условиях корпорации становятся ответственными не только за получение прибыли или производство продукции, но и за решение сложных социальных проблем – экологических, моральных, политических, национальных и т.п. Корпорация превращается в многоцелевой институт, что требует знаний и общего развития интеллекта в управлении.

Во-вторых, власть сегодня не может базироваться на замкнутой, не меняющейся, бюрократически кастовой системе, поскольку она находится в состоянии постоянной необходимости овладения постоянно меняющейся информацией относительно объекта властвования. Находясь в непрерывном движении, объект власти теряет устойчивость, возможность «стояния» на месте и как таковой, постоянно, непрерывно и бесконечно изменяясь, репрезентируется лишь «переходами», «следами», «разрывами», состояниями «между» – между тем, что только что было и что уже ушло. Такой объект держит власть в напряжении, ибо как некая социокультурная предметность он исчезает. Им оказывается сам процесс движения с его непредвиденными поворотами и калейдоскопическими конфигурациями. Это требует от власти умения рисковать, гибко принимать решения, быстро реагировать на изменение ситуации и т.п. Знание методов управления в ситуациях устойчивости, таких, например, как однонаправленность стратегий и неизменяемость поставленной цели, единство стратегических установок и тактических действий, постоянство рационально выверенных шагов и т.п., – знание таких методов, раз и навсегда выученная их сумма сегодня не является адекватной неустойчивой реальности. Власть оказывается обязанной быть в тонусе, следя за этой неустойчивостью, менять вслед за изменениями свои знания.

Такой вывод обязывает обратить исследовательское внимание на процессы, связанные с трансформацией властных отношений под воздействием «вторжения» знания во власть, увидеть и обуславливающее влияние этого «вторжения», и его конкретные следствия.

Изменения властных отношений под воздействием возрастания роли знания в определении характера их функционирования касается прежде всего расстановки социальных сил и организации государственной власти

на её различных уровнях. Так, если индустриальное общество базируется на факторах стабильного, системно организованного, массового материального производства и соответствующей ему устойчивой, рационально охватывающей всё производство, бюрократически замкнутой власти, то постиндустриальное общество на этапе его информационного развития теряет в качестве основы такого рода материальность, устойчивость, массовость и системность. Оно дробится, происходит распад массового рынка на хаотично организуемые между собой минирынки. Меняются принципы развития индустриального производства, когда уходит в прошлое жесткая иерархия. Общество теперь представляет собой связь различных организаций, постоянно меняющих свои конфигурации. Организации имеют временный характер, перестраиваются в связи с быстрыми изменениями производства. Такое общество не может держаться ни массовым и организованным в устойчивую систему производством, ни схватывающей всё это производство бюрократически организованной единой властью. В этих условиях возрастает фактор власти в том смысле, что «держат» расплывчатые рынки единой, по одним принципам организованной бюрократической властью становится невозможно. Чтобы быть адекватной указанной «сегментации», власть и себя «дробит» тоже. Принципами, с которыми оказывается связана радикальная ломка власти, являются децентрализация, дестандартизация, дебюрократизация. Их приход означает отказ от жесткой иерархии властных структур.

В-третьих, в информационном обществе изменяет своё действие или устраняется вовсе и принцип концентрации власти, выражающий массовость гигантских и неподвижных индустриальных производств. В связи с глобализационными процессами, транснациональным рассредоточением производства, появлением новых (например, виртуальных) типов производственных коллективов и т.п. деконцентрируются деньги, энергия, ресурсы. Это влечёт за собой и деконцентрацию власти. Поскольку сегодня осуществляется переход к отраслям высоких технологий, оказывающихся в своей специфике междисциплинарными, к организации подобного же рода корпораций, децентрализованным видам услуг, то власть начинает рассредоточиваться, децентрализоваться, сопрягаться с принципами местного, регионального характера.

В-четвертых, в результате тотальной децентрализации как производства, так и власти в информационном обществе формируется и новый агент производства,

который, соответственно, вызывает и нового субъекта власти. Рационально организованная и стабильная экономика периода требовала от агента производства таких качеств, как точность, привязанность к одной профессии, знание механического и однообразного труда, а качествами адекватных принципов власти являлись её централизация, иерархичность в построении, бюрократическая организация, подчинение единому центру. Сегодня же востребована власть другого характера – гибкая, умеющая быстро принимать решения, способная идти на риск и адаптироваться к быстро меняющимся социокультурным условиям и профессиональным квалификациям. Соответственно, и субъект власти меняется в сторону приобретения таких черт, как развитые познавательные способности, предприимчивость, высокое образование, обладание опытом в разных областях деятельности, способность совмещать идеи различных сфер и т.д.

Децентрализация власти, определившая своё значение благодаря власти знания, овладевшей всеми социокультурными системами в информационном обществе, меняет сам характер политической власти. Знание в информационном обществе объективно теряет необходимость быть бюрократической, противостоит бюрократизации как принципу властвования. Бюрократия появляется, когда особая каста управляющих монополизировала знание, превращая его в рациональную закрытую, предназначенную только для них систему [7]. Однако реальности информационного общества с его электронными системами коммуникации принципиально отрицают саму возможность монополии на информацию, т.е. на знания. Понятие «инфомонополист» – нонсенс. В условиях интернет-коммуникаций, информационных систем компьютеризованного управления исчезает сама возможность какой бы то ни было иерархии. Общества объективно эволюционируют к антибюрократическим властным формам.

Таким образом, современность являет себя беспрецедентным образом, поскольку знание сегодня во властных структурах не просто высоко оценивается, оно в форме информации превратилось в их основной ресурс, заменило в этом качестве традиции, силу и богатство, исторически всегда рассматривавшиеся в качестве такового (ресурса). Власть, основанная на силе и богатстве, утрачивает свое влияние, и как истинная она переходит к знанию в его различных формах – информации, науки, искусства, этики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Велмер А. Модели свободы в современном мире // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. 245 с.
2. Локк Дж. О воспитании // Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.
3. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права (Об общественном соглашении) // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-Пресс-Ц Кучково поле, 1998.
4. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение по вопросу: способствует ли возрождение наук и искусств очищению нравов? // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1998.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
6. Дьюи Дж. Демократия и образование. М.: Педагогика-Пресс, 2000.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1998. 880 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 26 июля 2009 г.